

На пути от персонализма к институционализации: трансформация политических режимов личной власти в Беларуси, Туркменистане и Узбекистане

On the way from personalism to institutionalization: the transformation of personal power political regimes in Belarus, Turkmenistan and Uzbekistan

DOI: 10.12737/2587-6295-2024-8-4-18-29

УДК 321

Получено: 23.10.2024

Одобрено: 18.11.2024

Опубликовано: 25.12.2024

Борисов Н.А.

д-р полит. наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета.

e-mail: nborisov@rggu.ru

Borisov N.A.

Doctor of Political Sciences, Head of the Department of theoretical and applied political science of the Faculty of international relations, political science and foreign area studies, Russian State University for the Humanities.

e-mail: nborisov@rggu.ru

Аннотация

Целью статьи является выявление направлений эволюции режимов личной власти в Беларуси, Туркменистане, Узбекистане в контексте обеспечения их стабильности. В качестве методики исследования юридически закреплённых полномочий главы государства применяются индексные методики А. Кроувела и О.И. Зазнаева (определение формы правления с помощью индекса президентских и парламентских полномочий и их соотношения друг с другом); для анализа институционализации института президентства используется авторский индекс институционализации института президента. После формирования независимых государств в Беларуси, Узбекистане и Туркменистане образовались и закрепились персоналистские режимы, для которых характерны конкретные личности главы государства, обуславливающие стабильность политической системы, и что является главным фактором легитимности. В Беларуси и в Туркменистане тенденции к повышению институционализации института президента стали набирать силу в период окончания президентских сроков и анализа перспектив ухода с поста президента действующих лидеров. В Узбекистане вопрос о создании институтов передачи власти будет отложен до окончания президентского срока Ш. Мирзиёева. В отношении политических режимов Туркменистана и Белоруссии в среднесрочной перспективе можно прогнозировать стабильность благодаря конституционному закреплению широкого спектра президентских полномочий. В этих государствах режим личной власти трансформировался в институционализированный неконкурентный режим, который обладает высоким потенциалом стабильности даже в случае ухода нынешних лидеров с поста президента. В случае Узбекистана режим личной власти сохраняется, что делает его потенциально уязвимым для внутренних и внешних угроз. Подтвержден тезис о том, что в

условиях персоналистского режима институционализация является инструментом по решению задач стабилизации и предотвращения внутренних и внешних угроз. Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные в ходе индексного анализа рассматриваемых постсоветских государств результаты позволяют уточнить понятие режима личной власти и направлений его возможной эволюции в сравнительной перспективе.

Ключевые слова: Беларусь, Туркменистан, Узбекистан, режим личной власти, институционализация, персонализм, институт президентства, политическая стабильность.

Abstract

The purpose of the article is to identify the directions of evolution of personal power regimes in Belarus, Turkmenistan, and Uzbekistan in the context of ensuring their stability. The index methods of A. Crowell and O.I. Zaznaev are used as a methodology for studying the legally established powers of the head of state (determining the form of government using the index of presidential and parliamentary powers and their relationship to each other); the author's index of institutionalization of the institute of the presidency is used to analyze the institutionalization of the institute of the presidency. After the formation of independent states in Belarus, Uzbekistan and Turkmenistan, personalistic regimes were formed and consolidated, which are characterized by specific personalities of the head of state, which determine the stability of the political system, and which is the main factor of legitimacy. In Belarus and Turkmenistan, trends towards increasing the institutionalization of the institution of the president began to gain momentum during the end of presidential terms and the analysis of the prospects for the departure of current leaders from the presidency. In Uzbekistan, the issue of creating institutions for the transfer of power will be postponed until the end of the presidential term of Sh. Mirziyoyev. In relation to the political regimes of Turkmenistan and Belarus, stability can be predicted in the medium term due to the constitutional consolidation of a wide range of presidential powers. In these States, the regime of personal power has transformed into an institutionalized, uncompetitive regime that has a high potential for stability even if the current leaders step down from the presidency. In the case of Uzbekistan, the regime of personal power remains in place, making it potentially vulnerable to internal and external threats. The thesis that institutionalization is a tool for solving the problems of stabilization and prevention of internal and external threats in the conditions of a personalistic regime is confirmed. The theoretical significance of the work lies in the fact that the results obtained during the index analysis of the post-Soviet states under consideration make it possible to clarify the concept of the regime of personal power and the directions of its possible evolution in a comparative perspective.

Keywords: Belarus, Turkmenistan, Uzbekistan, the regime of personal power, institutionalization, personalism, the institution of the presidency, political stability.

Введение

Разновекторность политических процессов на постсоветском пространстве имела следствием формирование многообразия политических режимов. Среди них особо выделяются режимы личной власти, или персоналистские режимы. В политологической литературе традиционной является точка зрения о том, что персоналистские режимы, как правило, сравнительно недолговечны по сравнению с иными типами неконкурентных политических режимов. Так, по мнению Б. Геддес, персоналистский режим часто прекращает существование после смерти лидера в силу его низкой институционализации и легитимации через личность правителя, т.е. в целом редко переживает своего создателя [19]. В то же время мы имеем несколько случаев политических режимов на постсоветском пространстве, которые могут или могли быть отнесены к режимам личной власти (разные исследователи помещают в этот список Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан), но при этом отличаются стабильностью, а ряд из них уже давно «пережили» своих создателей, первых президентов.

С. Хантингтон, говоря о дифференциации политических систем, отмечает, что простейшей политической системой «является та, что зависит от одного человека. Она же и наименее устойчива... Сложность имеет своим результатом стабильность» [18, с. 37, 39]. Следовательно, ключевой проблемой для режимов личной власти является обеспечение политической стабильности.

В связи с этим возникают исследовательские вопросы, во-первых, о более корректном определении режимов личной власти, во-вторых, об эволюции этих режимов. Иными словами, необходимо понять, изменились ли эти режимы за последние тридцать лет, в каком направлении происходит их эволюция и сохраняются ли они в будущем в качестве персоналистских режимов. Устойчивость подобных режимов ставит вопрос и о факторах стабильности, как актуальных, так и потенциальных. Для ответа на эти вопросы необходимо остановиться на операционализации понятия у разных исследователей и обосновать собственный подход, из которого будет понятен выбор случаев для исследования, методику исследования и продемонстрировать эволюцию конституционных и внеконституционных полномочий лидеров государств.

Обзор научной литературы

Проблему персоналистского господства рассматривал еще М. Вебер. Для определения персоналистского господства как разновидности традиционного господства он использовал термины «султанизм» и «патrimonиальное господство». На взгляд немецкого учёного, «патrimonиальное господство», несмотря на личностную ориентацию, всегда реализуется с помощью личного права (носящего неограниченный характер), тогда как «султанизм», есть патrimonиальное господство в соответствии со способом управления, реализующееся в сфере не связанного с традициями свободного произвола [6, с. 270]. Патrimonиализм и его разновидность – султанизм могут возникнуть лишь тогда, когда при традиционном господстве формируется администрация и военная сила, являющиеся чисто личными инструментами господина [6, с. 270]. В то же время вопрос о корректности применения термина «патrimonиальное господство» к современным политическим системам остается дискуссионным [13, с. 41].

Х. Линц вслед за М. Вебером также выделял султанизм в качестве особого типа современного недемократического режима, при котором отсутствует политический плюрализм и руководящая идеология, из-за чего политическая мобилизация носит незначительный, эпизодический характер, отсутствуют рациональные ограничения власти султана [23, с. 51-54]. Кроме того, султанское правление высокоперсонализировано, в нем прослеживаются сильные династические тенденции, идеология может подменяться личными заявлениями лидера, которые будут иметь значение только до тех пор, пока правитель это практикует. Подчинение лидеру основано на сильном страхе и личном вознаграждении, администрация формируется из членов его семьи и друзей.

По мнению Б. Геддес, персоналистские режимы отличаются как от военных, так и от однопартийных тем, что доступ к власти и результаты ее деятельности в гораздо большей степени зависят от усмотрения отдельного лидера. Лидер может быть военным и может создать политическую партию в качестве собственной опоры, однако ни военные, ни партия не обладают независимыми от воли правителя полномочиями по принятию решений [19, с. 121-122]. Персоналистские режимы возникают, когда такие институты, как партия и армия, недостаточно развиты либо автономны, поэтому они не могут ограничивать лидера в принятии решений и подборе кадров режима.

Дж. Ганди и А. Пшеворский полагают, что в условиях персоналистского режима институты должны создаваться в том масштабе, в котором существует угроза со стороны оппонентов для режима. Если угроза минимальна, минимально и институциональное оформление режима, и количество представленных в парламенте партий. Если угроза максимальная, максимально и количество допущенных в парламент партий и фракций, и количество политических уступок, которые одобрил правитель [7].

В связи с этим вместо формализованных безличных структур обычно доминируют неформальные отношения, которые складываются в патрональные сети [21; 20].

Б. Мадьяр и Б. Мадлович предлагают использовать термин «патрональная автократия», вкладывая в эту дефиницию понимание такого политического режима, при котором происходит патронализация экономической и политической сфер приемной политической семьи, реализуется на практике политическая монополия, которая становится основой для однопирамидальной патрональной сети. Принципиально важно, что неформальность возникает и функционирует на базе формальных институтов, таким образом, неформальные отношения подразумевают наличие у акторов формальных должностей [13, с. 144]. В этом случае неформальные и формальные институты не отделены друг от друга ни аналитически, ни фактически и находятся в состоянии симбиоза и взаимосвязанности в рамках одних и тех же институтов [8, с. 10].

На наш взгляд, при определении критериев режимов личной власти и более строгого их определения следует отталкиваться от индекса институционализации института президентства (ИИИП) [4, с. 17-18]. Проанализированные нами ранее политические режимы постсоветского пространства с относительно низким индексом институционализации института президентства (ниже 50% в соответствии с методикой) в сочетании с низким индексом конкурентности выборов президента можно отнести к режимам личной власти. Низкоинституционализированные режимы в условиях высокой конкуренции не дают возможности сохранения стабильности и, как правило, сталкиваются с переворотами (об этом говорят примеры Украины и Кыргызстана).

Вполне можно согласиться с утверждением М.А. Краснова, формулирующего сходный тезис на языке юридической науки: «Правовая неопределенность института главы государства имеет следствием укрепление режима личной власти» [11, с. 78]. Представляется, что верным будет и обратное суждение: чем более возрастает правовая определенность, формализация (институционализация) института президента, тем меньше становится оснований для режима личной власти и тем более он становится институционализированным политическим режимом, в меньшей степени основанным на личности лидера. Этот тезис и рассматривается в настоящей работе на эмпирическом материале на примере трех постсоветских государств: Республики Беларусь, Республики Узбекистан и Туркменистана. Три этих государства полностью отвечали изложенным выше критериям режимов личной власти на протяжении более чем двадцати лет независимого существования (низкая степень институционализации института президента, в том числе отсутствие доминирующей политической партии во главе с президентом, и низкая конкурентность выборов).

В задачи настоящей работы не входит анализ факторов и причин формирования режимов личной власти, однако стоит согласиться с М.А. Красновым в том, что главным объяснением формирования таких режимов, по крайней мере, на постсоветском пространстве, является объяснение институциональное, а не экономическое и культурное [12].

Следует назвать несколько работ, авторы которых анализировали недавние конституционные изменения в постсоветских государствах с точки зрения их причин и влияния на политические режимы. А. Медушевский отмечает две разнонаправленные тенденции конституционных реформ государств Средней Азии: стремление к модернизации с целью интеграции в глобальную систему и тренд на традиционализацию и стабилизацию режимов [14].

К. Мирзеханов рассмотрел факторы, обусловившие транзит власти и влияние личностного фактора на внешнюю политику Туркменистана [15], А. Токарев, А. Приходченко и А. Маргоев [17], изучая институциональные преобразования в качестве фактора транзита власти при автократии, пришли к умозаключению о важности не только институционального устройства, но и неформальных договорённостей, которые зачастую превалируют над институциональными особенностями политического режима. Н. Сергеев,

А. Фадеев [16] и Г. Василевич [5] рассматривают конституционные реформы в Беларуси как фактор стабилизации политического режима.

Вместе с тем представляется целесообразным и интересным провести сравнительный анализ режимов личной власти с точки зрения влияния институциональных реформ на политические режимы и подтвердить либо опровергнуть тезисы об их воспроизведстве и стабильности в перспективе.

Методы

Оценка направления эволюции политических режимов личной власти проводится на основе выявления формальных полномочий президента и институционализации института президентства. Анализ формальных (конституционных) полномочий будет проводиться на основе методики А. Кроуэла [22] с дополнениями О.И. Зазнаева [10; 9].

Индекс формы правления (ИФП) рассчитывается на основе анализа изменений, внесенных в конституции государств и затрагивающих систему органов государственной власти на протяжении всего постсоветского периода.

Анализ институционализации института президентства проведен на основе разработанного автором индекса институционализации института президентства [2, 3, 4].

Индекс рассчитан по периодам пребывания каждого президента в соответствующей должности: А. Лукашенко в 1994-2022 гг., А. Лукашенко с 2022 г.; С. Ниязов в 1990-2006 гг., Г. Бердымухамедов в 2006-2022 гг., С. Бердымухамедов с 2022 г.; И. Каримов в 1991-2007 гг., И. Каримов в 2007-2016 гг., Ш. Мирзиёев с 2016 г. Выделение периодов связано либо с прекращением полномочий президента, либо с внесением существенных изменений в конституционные полномочия президента.

Результаты исследования и обсуждение

Формальные конституционные полномочия. В Беларуси значение ИФП за 30 лет увеличилось с +4 до +6, что свидетельствует о расширении полномочий президента. Среди важнейших изменений следует назвать утрату парламентом ряда существенных полномочий не только в отношении формирования правительства и контроля за исполнительной властью, но и части законодательных функций. По результатам референдума 2022 г. в Конституцию Беларуси был внесен ряд изменений, в частности, президент был лишен активно используемого им права издания декретов, имеющих силу закона, и исключительного права внесения в парламент законопроекта о бюджете.

В Туркменистане первоначальный ИФП (+10) в результате конституционных преобразований в период 2017-2023 гг. снизился до +8. В то же время в политической системе произошло значительное перераспределение властных полномочий. Халк Маслахаты (Народному совету) был возвращен статус высшего представительного (надпарламентского) органа, в котором сосредоточены обширные полномочия всех ветвей власти (ст. 6¹), за экс-президентом Г. Бердымухамедовым закреплена должность председателя Халк Маслахаты. Учрежден и законодательно закреплен институт Национального Лидера туркменского народа¹. Президентом стал С. Бердымухамедов, однако председатель Халк Маслахаты наряду с президентом получил значимые полномочия главы государства.

В Узбекистане значение ИФП равно нулю, оно остается неизменным с 2011 г. Это свидетельствует о формальном балансе полномочий между президентом и парламентом. В соответствии с конституцией парламент обладает значительными полномочиями по назначению премьер-министра и членов правительства, влияет на назначение хокимов (руководителей региональных и местных администраций) в областях, городах, районах. Кроме того, в 2007 г. был принят закон², утверждающий положение о том, что партия, набравшая большинство голосов по результатам выборов, получает право предлагать кандидатуру на пост премьер-министра. В то же время необходимо отметить, что Ш. Мирзиёев занимал пост Премьер-министра с 2003 по 2016 г., несмотря на то, что

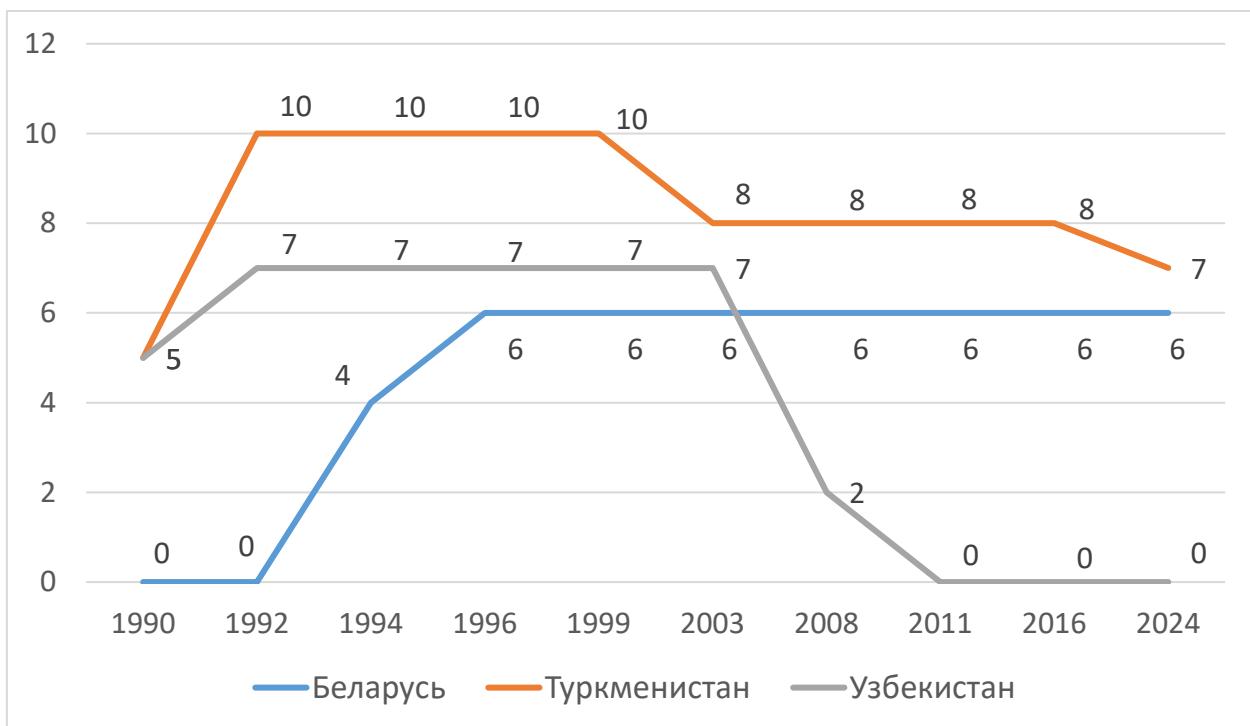
парламентское большинство и состав фракций менялись по результатам выборов. Кроме того, в случае трехкратного отклонения кандидатуры премьер-министра парламентом президент вправе распустить Олий Мажлис или одну из его палат. В связи с этим очевидно, что тенденция к парламентаризации формы правления в данном случае носит исключительно имитационный характер, на практике же все рычаги воздействия и наибольшее количество полномочий сохраняются в руках президента.

Эволюция ИФП представлена в табл. 1 и на рис. 1.

Таблица 1

Индекс формы правления в Беларуси, Туркменистане, Узбекистане в 1990-2024 гг.

Государство	Индекс формы правления в 1990-2023 гг.						2024
Беларусь		+ 4 (1994)	+ 6 (1996)				+ 6
Туркменистан	+ 5 (1990)	+ 10 (1992)	+ 10 (1999)	+ 8 (2003)	+ 8 (2008)	+ 8 (2016)	+ 7
Узбекистан	+ 1 (1990)	+ 5 (1990)	+ 7 (1992)	+ 7 (2003)	+ 2 (2007)	0 (2011)	0

Рис. 1. Динамика индекса формы правления в Беларуси, Туркменистане, Узбекистане в 1990-2024 гг.

Институционализация президентской власти. Измерение институционализации института президента в Беларуси, Туркменистане, Узбекистане привело к следующим результатам.

В Беларуси индекс институционализации института президента повысился с 25 до 60%. Важнейшими индикаторами институционализации стало преобразование движения «Белая Русь» в политическую партию и создание партийной системы с доминирующей партией [подробнее см. 2], а также придание надпарламентскому органу – Всебелорусскому

народному собранию – конституционного статуса и важнейших полномочий [1, с. 128]. Всебелорусское народное собрание возглавил президент А. Лукашенко, что позволит ему сохранять важнейшие полномочия по определению внутренней и внешней политики и после ухода с поста президента.

В Туркменистане ИИИП увеличился до 60 с 46,7%, что напрямую связано с воссозданием надпарламентского органа (Халк Маслахаты) во главе с экс-президентом Г. Бердымухамедовым, институционализации института Национального Лидера, обеспечением передачи президентской власти по наследству от отца к сыну при сохранении ряда полномочий за прежним президентом, что привело к фактическому распределению власти между президентом и председателем Халк Маслахаты. Демократическая партия Туркменистана трансформировалась из единственной в доминирующую, получив по результатам последних выборов в парламент 52% мест³.

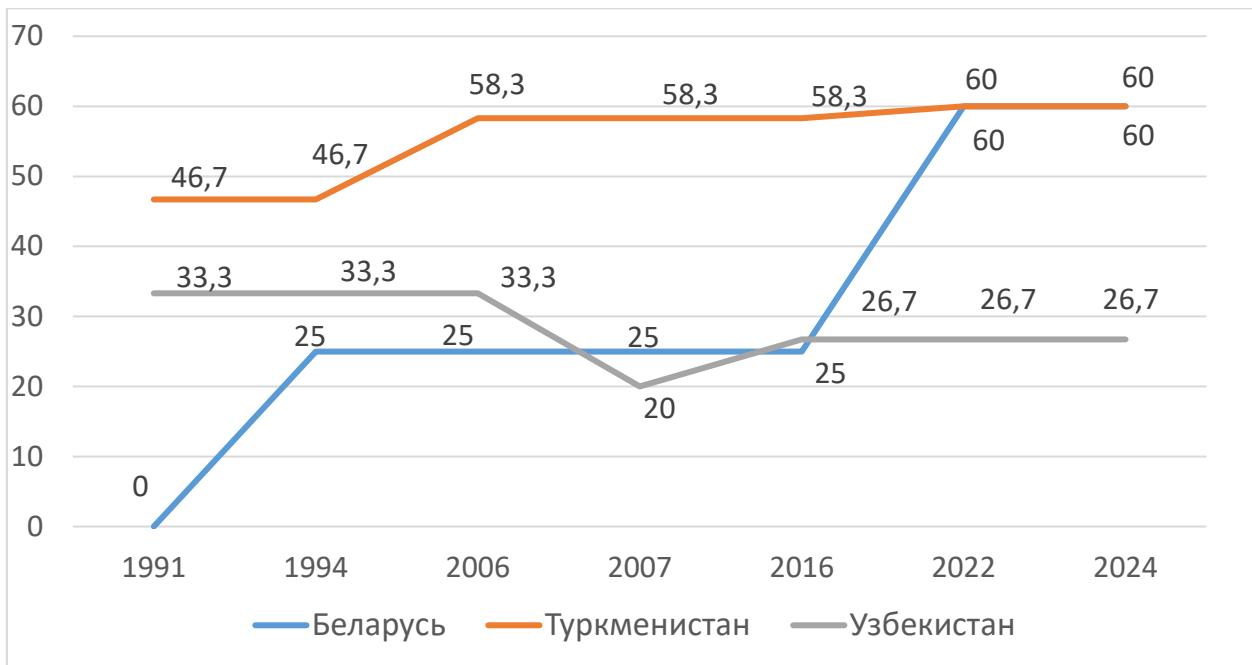
В Узбекистане ИИИП увеличился с 20 до 26,7% за счет членства президента Ш. Мирзиёева в политической партии. Тем не менее партийная система с доминирующей партией создана так и не была, по другим направлениям институционализация президентской власти остается низкой. Передача и укрепление президентской власти реализовывались посредством применения неформальных практик, которые не были институционализированы, а поэтому не смогут обеспечить воспроизведение власти в дальнейшем. Не был создан и надпарламентский орган. Потенциальную угрозу для режима создает и существенный разрыв между конституционными полномочиями президента и политической практикой.

Эволюция ИИИП представлена в табл. 2 и на рис. 2.

Таблица 2

**Индексы институционализации института президентства (ИИИП)
в Беларусь, Туркменистане и Узбекистане в 1990-2024 гг.**

Государство	ИИИП		
Беларусь	25,0 (А. Лукашенко в 1994-2022)	60,0 (А. Лукашенко с 2022)	
Туркменистан	46,7 (С. Ниязов в 1990-2006)	58,3 (Г. Бердымухаммедов в 2006-2022)	60,0 (С. Бердымухаммедов с 2022)
Узбекистан	33,3 (И. Каримов в 1991-2007)	20,0 (И. Каримов в 2007-2016)	26,7 (Ш. Мирзиёев с 2016)

Рис. 2. Динамика индексов институционализации института президентства (ИИИП) в Беларуси, Туркменистане и Узбекистане в 1990-2024 гг.

Выводы

После формирования независимых государств в Беларуси, Узбекистане и Туркменистане в этих странах формируются персоналистские режимы, для которых наличие личности главы государства (президента) выступает ключевым фактором легитимации власти и обеспечивает стабильность политической системы. Объем формальных полномочий президентов Беларуси и Туркменистана с годами неоднократно увеличивался. Существенный разрыв между неформальными и формальными полномочиями главы государства (т.к. институционализация данного института находится на низком уровне) как и ранее наблюдается в современном Узбекистане. Сложившаяся в стране ситуация несет в себе потенциальные риски действующему политическому режиму, так как кризис может возникнуть из-за смерти политического лидера, либо тяжелого заболевания и т.д.

Обратим внимание на то, что и в Беларуси, и в Туркменистане тенденции к повышению институционализации института президента, то есть к трансформации режима личной власти в институционализированный режим, стали набирать силу в период окончания президентских сроков и анализа перспектив ухода с поста президента действующих лидеров (в Беларуси это было связано еще и с угрозами режиму во время поствыборных протестов 2020 г.). В Узбекистане же два семилетних срока президента Ш. Мирзиёева истекут только в 2037 г., поэтому, скорее всего, вопрос о создании институтов передачи власти будет на некоторое время отложен.

На материале рассматриваемых государств можно проследить, каким образом новые неформальные институты выстраиваются на основе и вокруг формальных институтов, и в ряде случаев становятся формальными, закрепляются в конституциях и законодательстве.

В отношении политических режимов Туркменистана и Беларуси в среднесрочной перспективе можно прогнозировать стабильность, так как аппаратом публичной власти была создана их институциональная база, с формальным закреплением в конституциях этих стран полномочий президента. Можно сделать вывод о том, что режим личной власти в этих государствах трансформировался в институционализированный неконкурентный режим, который обладает высоким потенциалом стабильности даже в случае ухода нынешних лидеров с поста президента. В случае Узбекистана режим личной власти сохраняется, что делает его потенциально уязвимым для внутренних и внешних угроз.

Скорее всего, по мере приближения окончания срока президентских полномочий Ш. Мирзиёева в конституцию будут внесены поправки, связанные с расширением формальных полномочий президента и созданием надпарламентского органа власти либо приданием новых функций парламенту с целью создания институтов преемничества.

В результате исследования подтверждается тезис о том, что в условиях персоналистского режима институционализация является инструментом по решению задач стабилизации и предотвращения внутренних и внешних угроз. В силу объективных интересов доминирующих акторов в режимах личной власти со временем создаются более прочные институты, обеспечивающие все необходимые условия для воспроизведения власти и предотвращают потенциальные риски и угрозы режиму. Последовательная институционализация (усложнение) таких режимов является важнейшим фактором политической стабильности.

Литература

1. Алексеев Р.А., Абрамов А.В. Трансформация политической системы Республики Беларусь в свете конституционных преобразований 2022 года // Современное право. - 2024. - № 4. - С. 124-129.
2. Борисов Н.А. Институционализация персонализма: институт Лидера нации на постсоветском пространстве // Центральная Азия и Кавказ. – 2017. – № 2. – С. 69–82.
3. Борисов Н.А. Надпарламентские представительные органы власти в постсоветской Евразии: новые полномочия «старых» институтов // Политическая наука. – 2024. – № 3. – С. 87–113. – DOI: 10.31249/poln/2024.03.04.
4. Борисов Н.А. Президентство на постсоветском пространстве: процессы генезиса и трансформаций. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2018. – 537 с.
5. Василевич Г.А. Новеллы белорусской Конституции как фактор устойчивого развития государства // Право.by. – 2022. – № 2. – С. 14–23.
6. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. – Т. 1: Социология. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 445 с.
7. Ганди Д., Пшеворский А. Авторитарные институты и сохранение власти автократами // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2018. – № 5. – С. 200–222. DOI: 10.1177/0010414007305817.
8. Гельман В.Я. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2010. – № 2. – С. 6–24. – DOI: 10.30570/2078-5089-2010-57-2-6-24.
9. Зазнаев О.И. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 2. – С. 146–164.
10. Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – Казань: Казанский государственный университет, 2006. – 372 с.
11. Краснов М.А. На пути к деперсонификации российской власти: изменение статуса главы государства // Политическая концептология. – 2016. – № 4. – С. 78–96.
12. Краснов М.А. Постсоветские государства: есть ли зависимость политического режима от конституционного дизайна? // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 2. – С. 29–45.
13. Мадьяр Б., Мадлович Б. Посткоммунистические режимы: концептуальная структура: в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. Ю. Игнатьевой под ред. А. Решетникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 744 с.
14. Медушевский А.Н. Правовое устройство Средней Азии: стратегии маневрирования между глобальными и национальными приоритетами (новейшие конституционные преобразования в Киргизии, Казахстане и Узбекистане) // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 2. – С. 33–68. – DOI: 10.21128/1812-7126-2023-2-33-68.

15. Мирзеханов К.В. Транзит власти в Туркменистане и его влияние на внешнюю политику страны // Вопросы политологии. – 2023. – № 8–1. – С. 4000–4008. – DOI: 10.35775/PSI.2023.96-1.8.029.
16. Сергеев Н., Фадеев А. Завершение формирования плюралистического авторитаризма в Республике Беларусь перед выборами 2019-2020 гг. // Постсоветский материк. – 2019. – № 3. – С. 5–34.
17. Токарев А.А., Приходченко А.Ю., Маргоев А.Р. Институциональные реформы как фактор транзита власти в авторитарных режимах на примере Китая, Ирана и постсоветских стран // Политическая наука. – 2021. – № 2. – С. 165–186. – DOI: 10.31249/poln/2021.02.06.
18. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
19. Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? // Annual review in political science. – 1999. – Iss. 2. – P. 115–144. – DOI: 10.1146/annurev.polisci.2.1.115.
20. Hale H. 25 years after the USSR: what's gone wrong? // Journal of Democracy. – 2016. – Vol. 27. – Iss. 3. – P. 24–35. – DOI: 10.1353/jod.2016.0035.
21. Hale H. Regime cycles: democracy, autocracy, and revolution in post-soviet Eurasia // World Politics. – 2005. – Vol. 58. – Iss. 1. – P. 133–165. – DOI: 10.1353/wp.2006.0019.
22. Krouwel A. Measuring presidentialism and parliamentarism: an application to Central and East European countries // Acta Politica. – 2003. – Iss. 4. – P. 333–364. – DOI: 10.1057/palgrave.ap.5500041.
23. Linz H., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996. – 479 p.

References

1. Alekseev R.A., Abramov A.V. Transformaciya politicheskoy sistemy Respubliki Belarus' v svete konstitucionnyh preobrazovanij 2022 goda. [Transformation of the political system of the Republic of Belarus in the light of the constitutional reforms of 2022]. *Sovremennoe pravo* [Modern law]. 2024 I. 4, pp. 124-129. (In Russian).
2. Borisov N.A. Institucionalizaciya personalizma: institut Lidera nacii na postsovetskom prostranstve [Institutionalization of personalism: institute of the Nation's Leader in the post-Soviet space]. *Central'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2017, V. 18, I. 2, pp. 66–78. (In Russian).
3. Borisov N.A. Nadparlamentskie predstavitel'nye organy vlasti v postsovetskoy Evrazii: novye polnomochiya "starykh" institutov [Supra-parliamentary representative bodies in post-Soviet Eurasia: new powers of the "old" institutions]. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. 2024, I. 3, pp. 87-113. DOI: 10.31249/poln/2024.03.04. (In Russian).
4. Borisov N.A. *Prezidentstvo na postsovetskom prostranstve: protsessy genezisa i transformatsiy* [Presidency in the post-Soviet space: genesis and transformations processes], Moscow, Russian State University for the Humanities Publ, 2018, 537 p. (In Russian).
5. Vasilevich G.A. Novelly belorusskoy Konstitutsii kak faktor ustoychivogo razvitiya gosudarstva. [Novelties of the Belarusian constitution as a factor of sustainable development of the state]. *Pravo.by* [Law.by]. 2022, I. 2, pp. 14–23. (In Russian).
6. Weber M. *Economy and Society: an outline of interpretive sociology*, Berkely, University of California Press Publ., 1978, 1469 p.
7. Gandhi D., Przeworski A. Avtoritarnye instituty i sohranenie vlasti avtokratami [Authoritarian institutions and the preservation of power by autocrats]. *Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i kul'ture* [Inviolable reserve: debates on politics and culture]. 2018, I. 5, pp. 200-222.
8. Gelman V.Ya. "Podryvnye" instituty i neformal'noe upravlenie v sovremennoy Rossii ["Subversive" institutions and informal government in modern Russia]. Politiya: Analiz. Hronika.

- Prognоз [Politics: An analysis. The chronicle. Forecast]. 2010, I. 2, pp. 6–24. DOI: 10.30570/2078-5089-2010-57-2-6-24. (In Russian).
9. Zaznaev O.I. Indeksnyy analiz poluprezidentskikh gosudarstv Evropy i postsovetskogo prostranstva. [Index analysis of semi-presidential states of Europe and of post-Soviet expanse], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. 2007, I. 2, pp. 146–164. (In Russian).
  10. Zaznaev O.I. Poluprezidentskaya sistema: teoreticheskie i prikladnye aspekty. [The semi-presidential system: theoretical and applied aspects], Kazan, Kazan state University Publ., 2006, 372 p. (In Russian).
  11. Krasnov M.A. Na puti k depersonifikatsii rossiyskoy vlasti: izmenenie statusa glavy gosudarstva [On the way to the depersonalization of the Russian authorities: change the status of the head of state]. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadisciplinarnykh issledovaniy* [The political conceptology: journal of metadisciplinary research]. 2016, I. 4, pp. 78–96. (In Russian).
  12. Krasnov M.A. Postsovetskie gosudarstva: est' li zavisimost' politicheskogo rezhima ot konstitutsionnogo dizayna? [Post-Soviet states: does a political regime depend on the constitutional design?], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review]. 2014, I. 2, pp. 29–45. (In Russian).
  13. Magyar B., Madlovics B.I. *The anatomy of post-communist regimes: a conceptual framework*, Budapest, Central European University press publ., 2020, 834 p., DOI: 10.1515/9789633863701.
  14. Medushevsky A.N. *Pravovoe ustroystvo Sredney Azii: strategii manevrirovaniya mezhdu global'nymi i natsional'nymi prioritetami (noveyshie konstitutsionnye preobrazovaniya v Kirgizii, Kazakhstane i Uzbekistane)* [Constitutional construction in Central Asia: strategies of maneuvering between global and national priorities (current constitutional reforms in Kyrgyzstan, Kazakhstan and Uzbekistan)]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review]. 2023, I. 2, pp. 33–68, DOI: 10.21128/1812-7126-2023-2-33-68. (In Russian).
  15. Mirzehhanov K.V. Tranzit vlasti v Turkmenistane i ego vliyanie na vneshnyyu politiku strany [Transit of power in Turkmenistan and its impact on Turkmen foreign policy]. *Voprosy politologii* [Political Science Issues]. 2023, I. 8-1, pp. 4000–4008, DOI: 10.35775/PSI.2023.96-1.8.029. (In Russian).
  16. Sergeev N., Fadeev A. Zavershenie formirovaniya plyuralisticheskogo avtoritarizma v Respublike Belarus' pered vyborami 2019-2020 gg. [The completion of the formation of pluralistic authoritarianism in Belarus before the election 2019-2020], *Postsovetskiy materik* [The post-Soviet continent], 2019, I. 3, pp. 5–34. (In Russian).
  17. Tokarev A.A., Prikhodchenko A.Y., Margoev A.R. Institutsional'nye reformy kak faktor tranzita vlasti v avtoritarnykh rezhimakh na primere Kitaya, Irana i postsovetskikh stran [Institutional reforms as a factor of transit of power in non-democratic regimes: case studies of China, Iran and post-Soviet nations]. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. 2021, I. 2, pp. 165–186, DOI: 10.31249/poln/2021.02.06. (In Russian).
  18. Huntington S. *Political order in changing societies*, New Haven, CT, Yale university press Publ., 1968, 488 p.
  19. Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? *Annual review in political science*, 1999, I. 2, pp. 115–144, DOI: 10.1146/annurev.polisci.2.1.115.
  20. Hale H. 25 years after the USSR: what's gone wrong? *Journal of Democracy*, 2016, V. 27, I. 3, pp. 24–35, DOI:10.1353/jod.2016.0035.
  21. Hale H. Regime cycles: democracy, autocracy, and revolution in post-soviet Eurasia, *World Politics*, 2005, V. 58, I. 1, pp. 133–165, DOI: 10.1353/wp.2006.0019.
  22. Krouwel A. Measuring presidentialism and parliamentarism: an application to Central and East European Countries, *Acta Politica*, 2003, I. 4, pp. 333–364, DOI: 10.1057/palgrave.ap.5500041.

23. Linz H., Stepan A. *Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*, Baltimore and London, Johns Hopkins University Press Publ., 1996, 479 p.

---

¹ Конституционный закон Туркменистана «О Национальном Лидере туркменского народа» от 21 января 2023 года // Туркменистан: золотой век. URL: <https://www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/69356/konstitucionnyj-zakon-turkmenistana-o-nacionalnom-lidere-turkmenskogo-naroda> (дата обращения: 01.11.2024). Подробнее об институционализации института Лидера нации см. [1].

² Конституционный Закон Республики Узбекистан «Об усилении роли политических партий в обновлении и дальнейшей демократизации государственного управления и модернизации страны» от 11 апреля 2007 года № ЗРУ-88. URL: https://nrm.uz/contentf?doc=124787_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana (дата обращения: 29.10.2024).

³ ЦИК Туркменистана объявил результаты выборов в парламент // Туркменский портал. URL: <https://turkmenportal.com/blog/59857/cik-turkmenistana-obyavil-rezultaty-vyborov-v-parlament> (дата обращения: 29.11.2024). Примечательно, что председателем ДПТ является А. Сердаров, сменивший в 2007 г. Г. Бердымухамедова на посту министра здравоохранения Туркменистана.